

«СОТЧЕЙ ЗЕМЛЕЙ ГОВОРЮ...»

К 80-летию со дня рождения
М. В. Исаковского

...В ту осень холода долго не наступали, дни стояли безветренные, теплые, и казалось, конца не будет спокойствию, умиротворенности в природе. Листья с деревьев опадали нехотя, трава желтела медленно, да и то на открытых солнцу и ветру местах.

Прогуливаясь по внуковскому лесу, Исаковский изредка останавливался и, слегка склоняя голову, к чему-то прислушивался.

— Вы не замечали, что тишина бывает как бы живой, звучащей? — неожиданно обратился он ко мне, сняв с переноски толстые, в широкой роговой оправе очки. — Это я установил, еще будучи школьником, и до сих пор мне так представляется. И когда ее слушаешь, как-то сами собой возникают перед мысленным взором родная деревня, люди, которые окружали тебя в детстве, перелески да речки... И почему-то вспоминается именно детство...

Он надел очки, сделал несколько шагов и добавил:

— В такие часы и пишется лучше... Я как бы с отчей землей говорю, советуюсь с нею...

«С отчей землей говорю...» От этой мимоходом оброненной Исаковским фразы тянутся незримые нити ко многим его стихам и поэмам, полным сыновнего чувства к Родине, людям с золотыми руками мастеров.

Он не был баловнем судьбы. Ему, двенадцатому ребенку в семье смоленского крестьянина, рано довелось узнать и голод, и холод, заглянуть в бездонные глубины человеческого горя. Но, как говорится, свет не без добрых людей. Оказались они и около Исаковского, помогли способному мальчику в учении, начали лечить его глаза, пораженные тяжелой болезнью.

К стихам Исаковский приступил еще в школе, но настоящим началом своей поэтической работы считал 1924 год.

...Как-то я принес Михаилу Васильевичу книгу «Эпоха — газетной строкой», составленную из материалов «Правды». В книге было воспроизведено и стихотворение «Радиомост» из номера газеты от 17 марта 1925 года.

— Это — одно из моих первых, как я полагаю, серьезных произведений, — сказал Исаковский, любовно разглаживая плотные листы тома. — Именно к тому времени мне стало совершенно ясно, что материалом поэзии должны быть сама действительность, жизнь моих земляков, народа, страны. И брат надо из жизни важное, значительное. И вот то, что в край, отгороженный от мира лесами да болотами, протянувшись из Москвы «радиомосты», то, что в деревенской глуши мужики слушают «доклад из Совнаркома», потом музыку, и слушание это объединяет людей,

мне казалось существенной чертой нового быта. Я так и написал: «Этот день деревню поднял ввысь...»

Сама по себе тема обновления русского пореволюционного села не была обойдена вниманием поэтов. Тут надо вспомнить «агитки Бедного Демьяна», которые звучали в избах-читальнях и на сельских улицах, прочувствованные стихи, «маленькие поэмы» Сергея Есенина, произведения Ивана Доронина и Петра Орешкина... Исаковскому же удалось наиболее полно, по-своему рассказать о преобразованиях в деревне, о ее новых людях, ее дружбе с городом. В его стихах говорило само русское крестьянство, начавшее читать «мудрую поэму тракторов», говорило искренно, раскованно. Живая современная речь с ее новыми словами, оборотами слилась в творениях Исаковского с задушевной напевностью народной поэзии. И потому так органично, без малейшего насилия над строкой многие стихи поэта становились песнями, проникающими не только во все уголки нашей страны, но и далеко за ее границы. «Вдоль деревни», «Прощание», «Любушка», «Морячка», военных и послевоенных лет — «В прифронтовом лесу», «Огонек», «Ой, туманы мои...», «Враги сожгли родную хату...» — эти и другие песни воспринимаются ныне как произведения, созданные самим народом, переходящие от поколения к поколению. И такая высокая судьба стихов — драгоценнейшая награда поэту.

— Глубоко убежден, — говорил в одной из бесед Михаил Васильевич, — что в песне должна быть хорошей не только музыка, но и стихи. Это значит: они наполнены емким содержанием, написаны ясным языком. Другими словами, они должны быть поэтическими произведениями, иметь самостоятельное художественное значение. То, что сейчас нередко музыка пишется на пустые, бездарные «тексты», — наша беда, и долг настоящих поэтов, редакторов отвести ее от искусства...

Сам Исаковский был примером художника, с жесткой требовательностью относящегося к своему делу. Так, знаменитое стихотворение «Катюша» имело семь вариантов, а «Летят перелетные птицы...» — десять, и писалось оно в общей сложности около трех недель.

В годы Великой Отечественной войны слово художника верой и правдой служило общему делу. С комсомольским отрядом поэт уходил в бой, убежденный, что «врагу от смерти неминуемой, от своей могилы не уйти»; вместе с миллионами матерей давал наказ сыну-воину: «Круши, карай неистовую силу!»; от имени старой крестьянки расска-

зывал о партизанской казни над захватчиками; со всеми фронтовиками преклонялся перед немеркнущим героизмом русской женщины, вынесшей на своих плечах тяжесть безмерную...

О том, как воспринимались произведения Исаковского в военные и послевоенные годы, свидетельствовали письма читателей. Вот короткие выдержки из них: «Ваши стихи заставляют еще больше ненавидеть фашистов, еще крепче их бить»; «Ваши «Шел со службы пограничник...», «И кто его знает...» живут и воюют вместе с нами»; «Послушайте, что поют в селах, деревнях, в городах. Везде лучшие народные песни принадлежат вам»; «Вы — глубоко национальный русский поэт — нашли в своем сердце столь нежные слова об Украине в стихотворении «Украина моя, Украина...» Вы сделали не только большое культурное, но и политическое дело своими переводами на русский язык украинских поэтов...»

О переводах Исаковского необходимо сказать особо. В его собрании сочинений (издательство «Художественная литература», 1968—1969) они занимают один том из четырех. Исаковский переводил из Тараса Шевченко и Максима Рыльского, Янки Купалы и Аркадия Кулешова, Коста Хетагурова и Мусы Джалиля... Известны его переводы народных песен Венгрии и Польши, стихов Шандора Петефи, Фаиза Ахмада Фаиза, итальянца Антонио Гурерра... Как и в своем оригинальном творчестве, в работе над переводами Исаковский был исключительно взыскателем. В них он стремился воплотить внутреннюю сущность, живую душу оригинала. Чаще всего это ему удавалось, хотя стоило немалого труда и — при весьма слабом зрении — изнурительного напряжения.

В последние годы жизни Михаил Васильевич редко выступал в печати с новыми стихами и переводами. Когда позволяло здоровье, он охотно встречался с молодыми авторами, своими друзьями-поэтами из братских республик, земляками-смолянами. Многие литераторы разных поколений с благодарностью вспоминают откровенные отзывы Исаковского об их стихах или статьях, напечатанных в различных изданиях. Случалось, что эти отзывы были весьма нелестными.

Его статьи и заметки о поэтическом мастерстве, советской песне, о родном языке, переписка с читателями и критиками составили объемистую книгу, выдержавшую несколько изданий. Она стала своеобразным учебным пособием в работе многочисленных литературных кружков и объединений.

О чем размышляет, за что ратует Исаковский? Он пи-

шет, что поэтический талант неразрывно связан со всем внутренним обликом поэта и служит средством особого проявления личности человека, его мыслей и чувств. Поэтому вопрос об учебе начинающего стихотворца есть в первую очередь вопрос его роста как человека, как личности. И тут главное не книжная учеба, а непосредственное, активное участие в жизни. С первых шагов поэт обязан готовить себя стать подлинным передовым человеком своего времени, человеком идейным, принципиальным, хорошо знающим и понимающим действительность, кровно заинтересованным в том, что совершается в жизни. Поэту следует знать много и основательно, ибо он — носитель и творец духовной культуры.

Исаковскому близко признание его доброго наставника Алексея Максимовича Горького из «Рецензии» на первую книгу поэта: «Страдаю пристрастием к стихам, простая форма которых насыщена ценным содержанием». Наша поэзия, по мнению Исаковского, при всем многообразии, при всей глубине мыслей и чувств, заложенных в ней, при всей художественной силе и красоте должна быть простой и понятной, если не буквально для всех, то все же для наибольшего числа читателей. О самом сложном в жизни поэт обязан говорить просто и понятно, не впадая, разумеется, в примитив. Всякого рода литературные «красивости», вычурные выражения, баловство словом, трюкачество чужды истинной поэзии.

Обращаясь к стихам мастеров и молодых авторов, Исаковский подчеркивает первостепенное значение для творчества принципов партийности, народности, важности борьбы за высокий идейно-художественный уровень произведений, будь то небольшое стихотворение или роман в стихах, поэма или песня. И разговор ведется не в общем плане, а конкретный, вплоть до скрупулезного разбора отдельных рифм, строчек...

— Судя по письмам, книжка оказалась нужной, — заметил он во время той осенней прогулки по внуковскому лесу, а потом добавил: — Она вроде бы совет молодым, да и завет тоже...

И, улынувшись, пошел между деревьями, постукивая по стволам легкой, только что поднятой с дорожки палочкой.

Я шел за ним и, смотря на его сутулую фигуру, мысленно читал давно запомнившиеся строки:

Земля, земля — родная мать!
Поговори с любимым сыном...
Конца и края не видать Твоим пригоркам
и равнинам...
С. КОШЕЧКИН.